

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

**КНИГИ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ
«АЗБУКА-АТТИКУС»**

Туннель в небе. Есть скафандр — готов путешествовать

•

Фрайди. Бездна

•

Астронавт Джонс. Время для звезд

•

Чужак в стране чужой

•

Луна — суровая госпожа

•

Красная планета. Звездный зверь

•

Кукловоды. Дверь в Лето

•

Марсианка Подкейн. Гражданин галактики

•

Иов, или Комедия справедливости

•

Небесный фермер. Среди планет.

Космическое семейство Стоун

•

Достаточно времени для любви,
или Жизнь Лазаруса Лонга

•

«Магия, инкорпорейтед». Дорога Доблести

**РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН**

**Чужак
в стране чужой**

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445
X 15

Robert A. Heinlein
STRANGER IN A STRANGE LAND
Copyright © 1961 by Robert A. Heinlein
All rights reserved

Перевод с английского
Михаила Пчелинцева, Александры Питчер

Серийное оформление Сергея Шикина

- © М. Пчелинцев, перевод на русский язык, наследники, 2019
- © А. Питчер, перевод на русский язык, примечания, 2017
- © Б. Жужунава, перевод стихов, наследник, 2019
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-15763-7

*Роберту Корногу
Фредерику Брауну
Филлипу Хозе Фармеру*

В этом романе все люди, боги и планеты — вымышлены.
Любое совпадение имен — прискорбное недоразумение.

Р. Э. Х.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если вам покажется, что книга стала толще, а слов в ней больше, чем в ранее опубликованных изданиях «Чужака в стране чужой», то вы правы. Это издание — полный текст рукописи, в том виде, в котором Роберт Хайнлайн задумал и написал свой роман.

Текст предыдущих изданий насчитывает чуть больше 160 тысяч слов, а в этой книге примерно 220 тысяч слов. Рукописная страница Роберта обычно вмещала 250—300 слов, в зависимости от количества диалогов. Таким образом, если в среднем на странице 275 слов, то восьмисотстраничная рукопись содержит 220 тысяч слов или немного больше.

При первой публикации в 1961 году роман настолько отличался от тех, к которым привыкли тогдашние читатели, особенно любители научной фантастики, что редакторы настоятельно рекомендовали урезать текст и изъять из него некоторые сцены, выглядевшие оскорбительными для широкого круга читателей.

В ноябрьском номере журнала *Astounding Science Fiction* за 1948 год было напечатано письмо в редакцию, содержащее список названий произведений, которые следует опубликовать через год. В списке упоминался и рассказ, который должен был написать Роберт Хайнлайн — «Бездна».

После долгой беседы с редактором журнала Джоном В. Кэмпбеллом-мл. было принято решение, что за год авторы успеют написать все рассказы под предложенными названиями и что специальный выпуск журнала будет издан

в ноябре 1949 года. Роберт, как и прочие авторы, пообещал написать рассказ, соответствующий предложенному названию. Специальный выпуск журнала впоследствии стал известен как «Путешествие во времени».

Теперь Роберту оставалось только придумать сюжет, подходящий для названия.

Мы с ним устроили мозговой штурм. После многих отверженных сюжетов я предложила написать рассказ о ребенке, воспитанном инопланетянами. Роберт сказал, что в рассказ этот сюжет не уложится, и пометил его отдельно, на будущее. Вечером он заперся в кабинете, делая записи, а потом их отложил.

Под названием «Бездна» был опубликован совсем другой рассказ.

Записи и заметки Роберта несколько лет лежали в папке, а потом он начал писать книгу, которую впоследствии назвали «Чужак в стране чужой». Поначалу работа не ладилась, и он ее снова отложил. К рукописи он возвращался несколько раз, но окончил ее только в 1960 году — в том виде, в котором она сейчас попала вам в руки.

В 1960 году «Чужак в стране чужой» напугал издателей — роман слишком отличался от привычных книг. Во избежание возможных убытков Роберта попросили сократить рукопись на 70 тысяч слов, оставив 150 тысяч слов текста, а также внести и некоторые другие изменения. После этого издатель решил рискнуть и опубликовать роман.

Сократить на четверть длинный, сложный роман — дело очень трудное, почти невозможное. Однако спустя несколько месяцев Роберту это удалось. Окончательный текст рукописи насчитывал 160 087 слов, и Роберт решил, что дальнейшие сокращения нежелательны. Урезанную рукопись приняли.

В таком виде роман и печатали последующие 28 лет.

В 1976 году Конгресс США принял новый Закон об авторском праве, где говорилось, между прочим, что в случае смерти автора право на публикацию переходит к его наследникам, причем все предыдущие контракты, заключенные от имени автора, утрачивают силу. Роберт скон-

чался в 1988 году, и на следующий год право на публикацию «Чужака в стране чужой» можно было возобновить.

В отличие от прочих авторов, Роберт хранил свои рукописи — в том виде, в котором они первоначально отправлялись в редакцию, — в архивах библиотеки Калифорнийского университета в Санта-Крузе. Я запросила копию рукописи, пословно сверила текст с опубликованным романом и пришла к выводу, что сокращать книгу не стоило.

Я отправила копию рукописи Элинор Вуд, литературному агенту Роберта. Она согласилась, что полный текст лучше. Мы связались с издателем и отправили ему экземпляр нового — старого — несокращенного романа.

К этому времени никто в издательстве не помнил, что для публикации книга была существенно сокращена: руководство издательства давно сменилось. Новый/старый текст романа приняли с удивлением и восторгом.

Было решено опубликовать роман без сокращений, поскольку оригинальная версия всем понравилась больше.

Теперь и вы можете ознакомиться с первоначальной версией романа «Чужак в стране чужой», в том виде, в котором его создал Роберт Энсон Хайнлайн.

Имена главных героев очень важны для понимания и развития сюжета. Избраны они неспроста. Джубал означает «отец всех», Майкл — «Кто как бог?». Значение остальных имен вы можете отыскать самостоятельно.

*Вирджиния Хайнлайн
гор. Кармел, шт. Калифорния*

Часть I

ЕГО ПОРОЧНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

1

Давным-давно, когда мир был юным, жил на свете марсианин, и звали его Смит.

Валентайн Майкл Смит, такой же реальный, как налоги, был единственным представителем своей расы.

Подбор кадров для первой экспедиции с Земли на Марс основывался на предположении, что главную угрозу для человека в космосе представляет сам человек. В то время, всего лишь через восемь лет после основания первого поселения на Луне, межпланетные путешествия люди совершали в изнурительно долгом свободном полете, требовавшем трехимпульсного орбитального маневра по двум эллиптическим переходным орбитам — двести восемьдесят пять земных дней от Земли до Марса, столько же на обратный путь, да плюс еще четыреста пятьдесят дней сидеть на Марсе в ожидании, когда же наконец планеты выстроятся в конфигурацию, подходящую для этого самого обратного пути по эллиптическим орбитам, то есть почти три земных года.

Сам по себе полет был не только утомительно долгим, но и рискованным. «Посланник», этот примитивный летающий гроб, должен был сначала подзаправиться на орбитальной станции, потом вернуться чуть ли не в атмосферу Земли и лишь оттуда отправиться к Марсу. Возвращение домой зависело от того, не разобьется ли он при посадке, найдется ли на Марсе вода для реакционных камер двигателей, удастся ли пополнить запасы съестного и не случится ли какая-нибудь из тысячи возможных — а также невозможных — неприятностей.

И все же основная опасность таилась не в физических тяготах, а в психологических нагрузках и стрессах. Восьмерым людям, как мартышкам, предстояло находиться в тесном общении — и помещении — друг с другом чуть ли не три земных года; совершенно ясно, что для такого подвига требуется сверхчеловеческая уживчивость. Чисто мужскую команду сочли сообществом не очень здоровым и весьма нестабильным; оптимальным был признан вариант четырех семейных пар — буде удастся найти нужных специалистов в таком сочетании.

Эдинбургский университет (основной подрядчик по проекту) поручил подбор команды Институту общественных исследований. После отбраковки добровольцев, явно непригодных по возрасту, здоровью, складу ума, подготовке или темпераменту, остался список из девяти тысяч возможных кандидатов, каждый из которых был здоров телом и духом и обладал как минимум одним из необходимых навыков и умений. Имелись все основания предполагать, что из них удастся составить несколько команд из четырех семейных пар, на выбор.

Надежды оказались напрасными. Кораблю требовались астроголор, врач, повар, капитан, механик, семантик, инженер-химик, инженер-электронщик, физик, геолог, биохимик, биолог, инженер-ядерщик, фотограф, инженер-ракетчик и гидропоник. Имелись сотни комбинаций из восьми добровольцев, обладающих всеми этими знаниями и умениями, впридачу к превосходному здоровью и крепкой психике, а среди этих сотен — три комбинации, состоявшие из четырех семейных пар; казалось бы, чего еще, однако во всех этих трех случаях специалисты по групповой динамике, оценивавшие взаимосовместимость характеров, хватались от ужаса за голову.

Главный подрядчик предложил снизить пороговое значение фактора совместимости, на что Институт гордо вызвался вернуть свой символический — размером в один доллар — гонорар. Тем временем какой-то программист, имени которого нигде не упоминалось, дал задание ком-

пьютеру составить команду из трех семейных пар. Машина отыскала несколько десятков совместимых комбинаций, каждую из которых требовалось дополнить еще одной семейной парой, удовлетворяющей заданные параметры по различным критериям отбора. Остальные компьютеры продолжали изучать данные, поскольку кто-то из добровольцев умирал, кто-то отказывался от полета, в списке появлялись новые имена и тому подобное.

Капитан Майкл Брант, магистр естественных наук, коммодор резерва ВВС, лицензированный пилот и ветеран полетов на Луну (все это — к тридцати годам), вовремя вспомнил, что человек — сам кузнец своего счастья, и попросил некоего сотрудника Института отобрать из списка фамилии незамужних соискательниц, которые — вместе с ним — завершили бы формирование экипажа. После того как каждая из этих гипотетических семейных пар была пропущена через тест на совместимость с остальной командой, предприимчивый капитан купил билет в Австралию, где предложил руку свою и сердце Уинифред Коберн, старой (на девять лет старше его самого) деве с лошадиной физиономией, специалисту по семантике, и получил согласие. В Карлсбадских архивах отыскалась ее фотография: лицо добродушное, но в общем невзрачное.

Вполне возможно, что Брант обошелся и без посторонней помощи, действуя лишь по дерзкому наитию — черте характера, совершенно необходимой для командования исследовательской экспедицией. Как бы то ни было, машина поморгала лампочками и с облегчением выплюнула пачку перфокарт; команда «Посланника» была сформирована.

Капитан Майкл Брант, командир и первый пилот, астрогатор, запасной повар, запасной фотограф, инженер-ракетчик.

Доктор Уинифред Коберн Брант, сорок один год, семантик, медсестра, завхоз, историк.

Мистер Фрэнсис Сини, двадцать восемь лет, первый помощник, второй пилот, астрогатор, астрофизик, фотограф.

Доктор Ольга Ковалик Сини, двадцать девять лет, повар, биохимик, гидропоник.

Доктор Уорд Смит, сорок пять лет, терапевт и хирург, биолог.

Доктор Мэри Джейн Лайл Смит, двадцать шесть лет, инженер-ядерщик, техник-электронщик, техник силовых установок.

Мистер Сергей Римский, тридцать пять лет, инженер-электронщик, инженер-химик, механик, приборист, криолог.

Миссис Элеонора Альварес Римская, тридцать два года, геолог и селенолог, гидропоник.

Между собой члены этой команды обладали всеми нужными для полета профессиями и навыками, частично — приобретенными за время предполетной подготовки. Самое главное — все они были совместимы друг с другом.

Возможно, чересчур совместимы.

«Посланник» стартовал по расписанию, без происшествий. В начале путешествия его ежедневные сообщения слышали даже радиолюбители. Затем сигналы ослабели, теперь их принимали и передавали на Землю ретрансляционные спутники. Команда пребывала в добром здравии и хорошем настроении. Вся медицинская практика доктора Смита ограничилась единственным случаем стригущего лишая; адаптация к невесомости прошла быстро, противотошнотные средства применялись лишь в первую неделю. Дисциплинарных проблем не возникало — во всяком случае, капитан Брант ни о чем подобном не докладывал.

«Посланник» встал на низкую — ниже Фобоса — предпосадочную орбиту и две недели фотографировал поверхность Марса.

«Садимся завтра в 12:00 по Гринвичу, чуть южнее *Lacus Soli*¹, — сообщил капитан Брант.

Эта радиограмма оказалась последней.

¹ Точнее, *Solis Lacus* (лат.) — озеро Солнца.

Лишь спустя четверть века люди снова попали на Марс. Через шесть лет после того, как замолк «Посланник», беспилотный зонд «Зомби», запущенный совместно Географическим обществом и *La Societe Astronautique Internationale*¹, пересек космическую пустоту, выждал полагающееся время на орбите, а затем вернулся. Фотографии и результаты приборных исследований подтвердили разреженность марсианской атмосферы и непригодность планеты для жизни людей; местность, изображенная на снимках, выглядела уныло и малопривлекательно — по человеческим, конечно же, стандартам.

Однако на тех же самых снимках были детали, удивительно напоминавшие развалины городов, а уж знаменитые «каналы» оказались самыми настоящими инженерными сооружениями. Начали готовить новую экспедицию, но тут разразилась Третья мировая.

В результате столь продолжительной задержки новая экспедиция оказалась значительно сильнее предыдущей. В отличие от погибшего «Посланника», космический корабль Федерации «Чемпион», снабженный лайловскими двигателями, совершил перелет за какие-то девятнадцать дней; на его борту было восемнадцать человек команды и несколько большее число колонистов (одни мужчины). Намереваясь организовать поиски «Посланника», капитан ван Тромп совершил посадку к югу от *Lacus Soli*. Радиодоклады второй экспедиции поступали на Землю ежедневно. Особый для нас интерес представляют три нижеследующих сообщения.

Первое: «Обнаружен ракетный корабль „Посланник“». Уцелевших нет».

Второе потрясающее известие: «Марс обитаем».

Третье: «Во изменение доклада 23-105. Обнаружен один уцелевший с „Посланника“».

¹ Международное астронавтическое общество (*фр.*).

Капитан Виллем ван Тромп был человеком гуманным и благоразумным. Незадолго до посадки он радировал: «Ни в коем случае, повторяю, ни в коем случае не организуйте пассажиру торжественного приема. Обеспечьте челнок с малым посадочным ускорением, санитарную машину и вооруженную охрану».

Корабельный врач, доктор Нельсон, получил задание проследить, чтобы Валентайна Майкла Смита поместили в отдельную палату Бетесдинского медицинского центра, уложили на водяную кровать и оградили от всяких внешних контактов, под неусыпной охраной морских пехотинцев. Сам ван Тромп направился на чрезвычайное заседание Верховного Совета Федерации.

Как раз тогда, когда Смита перекладывали на кровать, верховный министр науки заявил, даже не пытаясь скрыть раздражения:

— Конечно же, капитан ван Тромп, как командир экспедиции — *научной* экспедиции, не будем об этом забывать, — вы имели право организовать особое медицинское обслуживание и защиту личности, временно оказавшейся на вашем попечении. Однако не много ли вы на себя берете, чиня препятствия действиям сотрудников моего министерства? Да ведь этот ваш Смит — настоящая сокровищница научной информации!

— Скорее всего — да, сэр.

— Тогда какого же... — Министр науки переключил свое внимание на верховного министра мира и безопасности. — Дэвид? Очевидно, что дело подпадает под юрисдикцию моего ведомства. Вы не могли бы дать своим людям необходимые указания? Сколько же можно мурыжить профессора Кеннеди и доктора Окадзиму, да и остальных тоже. Того и гляди, начнут возмущаться.

Министр мира не ответил и вопросительно покосился на капитана ван Тромпа.

Капитан ван Тромп покачал головой:

— Никак нет, сэр.

— Но почему? — не унимался научный министр. — Почему? Вы же сами признаете, что он не болен.

— А вы бы, Пьер, дали капитану возможность объясниться, — посоветовал министр мира. — Ну так что, капитан?

— Смит действительно не болен, сэр, — медленно начал ван Тромп, — но ему плохо. Во-первых, тяготение. Сейчас его вес в два с половиной раза больше привычного, мускулы просто не справляются. Он непривычен к нормальному атмосферному давлению. Он непривычен ни к чему земному и подвергается сейчас колоссальному напряжению. Кой черт, господа, я и сам устал как собака — я, родившийся на этой планете.

По лицу научного министра скользнула презрительная улыбка.

— Позвольте вас заверить, дражайший капитан, что мы предвидели трудности гравитационной акклиматизации — если уж она вас так волнует. За его дыханием и сердечной деятельностью будет вестись самое тщательное наблюдение. Нам не откажешь ни в воображении, ни в умении предвосхищать события. Между прочим, я тоже бывал в космосе и знаю, как чувствуешь себя потом. А этот самый человек, Смит, должен...

Капитан ван Тромп решил, что сейчас самое время устроить небольшую истерику. А потом можно будет оправдаться тем самым гравитационным недомоганием, и безо всякого вранья — он и впрямь чувствовал себя так, словно прилетел не на Землю, а на Юпитер; вдобавок, он хорошо понимал, что даже государственный деятель высочайшего калибра не посмеет жестко обойтись с командиром первой успешной экспедиции на Марс.

— Чего? — прервал он заносчивого министра. — Этот человек Смит? Этот человек? Да вы что, не понимаете, что он не человек?

— Э-э?

— Смит. Не. Человек.

— Как это? Извольте объяснить свои слова, капитан.

— Смит — не человек. Он разумное существо, генетические предки которого были людьми, но сам он — не че-

ловек. Он — марсианин, а не человек. До того как мы свалились этому вашему «человеку» на голову, он даже и не видел ни разу никаких таких людей. Он мыслит как марсианин, чувствует как марсианин. Он выращен и воспитан разумной расой, у которой нет с нами ничего общего — у них нет даже *пола*. Смит ни одной женщины в жизни не видел — и не увидит до тех пор, пока мои распоряжения останутся в силе. Генотип у Смита наш, человеческий, но взаимодействие с абсолютно чуждой нам средой сделало из него марсианина. Если хотите, чтобы у него совсем крыша съехала, если вам не жаль терять эту самую «сокровищницу научной информации» — валяйте, напускайте на него своих дубоголовых профессоров, пусть развлекаются. А и действительно, ну чего бы ради давать несчастному шанс привыкнуть к этому бедламу, называемому «планета Земля»? Выжмите его, как лимон. Да и вообще, при чем тут я? Я свою работу выполнил.

Затянувшееся молчание прервал генеральный секретарь Дуглас:

— И выполнили прекрасно, капитан. К вашему совету мы прислушаемся, всесторонне его обсудим и никаких поспешных действий предпринимать не станем. Если этому марсианскому человеку, или там человеческому марсианину, нужно несколько дней адаптации, наука может и подождать. Так что, Пит, потерпите. Обсудим эту проблему позже, господа. А сейчас предлагаю перейти к прочим делам. Капитан ван Тромп устал.

— Не знаю, как наука, — заметил министр общественной информации, — но есть вещи, которые ждать не могут.

— Да, Джок?

— Если по стереоящику в самое ближайшее время не покажут человека с Марса, вам, господин секретарь, придется усмирять мятежи.

— Хм-м... думаю, вы преувеличиваете. Достаточно того, что в новостях будут другие марсианские материалы. Торжественный прием, я награждаю капитана и его бравую команду. Не далее, как завтра. Капитан ван Тромп делится своими впечатлениями — не бойтесь, капитан, мы дадим вам спокойно выспаться.

Министр общественной информации решительно помотал головой.

— Что, Джок, не годится?

— Публика ожидала, что на Землю привезут взаправдашнего живого марсианина. За отсутствием такового нам нужен Смит, и нужен он нам позарез.

— Живые марсиане? А что, капитан, — повернулся Дуглас к ван Тромпу, — есть у вас отснятые материалы с марсианами?

— Километрами и килограммами.

— Вот вам и пожалуйста, Джок. Будет нечего показывать в прямом эфире — переходите на записи. Все будут в восторге, гарантирую. Да, капитан, так что там насчет экстерриториальности... Марсиане не возражают?

— Ну... в общем-то нет, сэр, но и согласия как такового не было.

— Я не очень вас понимаю.

Капитан ван Тромп задумчиво поскреб подбородок:

— Ох, не знаю даже, как и объяснить. Беседовать с марсианами, сэр, это все равно что говорить с эхом. Никто тебе не возражает, но толку — круглый ноль.

— Вам, пожалуй, следовало прихватить сюда и этого... как там его фамилия? Ну, словом, вашего семантика. Или он в коридоре дожидается?

— Его фамилия Махмуд, сэр. Доктор Махмуд не совсем здоров. Он немного... Он немного перенервничал, сэр.

Ван Тромп разумно рассудил, что «немного перенервничал» звучит значительно приличнее, чем «напился в стельку», а по смыслу — почти одно и то же.

— Отметил возвращение?

— Ну, разве что немного, сэр. — (Вот же кроты чертовы!)

— Хорошо, доставьте его ко мне, когда очухается. Думаю, с переводом нам поможет и этот молодой человек — Смит.

— Возможно, — без особой уверенности сказал ван Тромп.

Тем временем «этот молодой человек» Смит изо всех сил старался выжить. Тело его, стиснутое и изнуренное странной структурой пространства в этом невероятном месте, наконец-то покоилось в мягком гнезде, куда его уложили эти странные другие. Теперь о теле можно было и не заботиться; Смит переключил внимание третьего уровня на дыхание и сердцебиение.

И увидел, что едва не поглотил себя. Легкие работали с такой же интенсивностью, как дома, сердце колотилось как бешеное, едва успевая разносить поступающий кислород по телу, — и все это в борьбе с искривлением пространства, и все это в удушающе-обильной, невыносимо горячей атмосфере. Следовало немедленно принять меры.

Вскоре пульс снизился до двадцати ударов в минуту, а дыхание стало почти незаметным; оставалось только проверить стабильность достигнутого состояния. Пронаблюдав некоторое время за собой и окончательно убедившись, что нечаянно не развоплотится, если отключит внимание от биологических процессов, Смит оставил в карауле крошечную часть второго уровня, а остального себя удалил. Назрела необходимость исследовать конфигурацию столь многих новых событий, чтобы воспринять их в себя, а затем восхититься ими и восхвалить их — дабы не стать их жертвой.

С чего начать?

С того момента, когда он покинул дом, всеобъяс этих других, ставших отныне его согнездниками? Или с прибытия в этот мир, в это мучительно скомканное пространство? Мозг Смита на мгновение послезрел ослепительные вспышки, наново услышал непонятные грохочущие звуки и содрогнулся от боли. Нет, он не готов еще воспринять эту конфигурацию — назад! назад! назад, туда, где он еще не видел и не знает этих других, ставших теперь своими. Даже дальше, за тот момент, когда он впервые прокнул, что отличен от братьев своих согнездников, после чего потребовалось исцеление... назад, в гнездо!

Ничто из этого не мыслилось в земных символах и понятиях. Смит освоил уже азы английского, но пользовался им со значительно большими затруднениями, чем индус,

говорящий на пиджин-инглише с турком. Для нашего марсианина английский представлял собой нечто вроде шифровальных таблиц, дающих — после долгой, нудной работы — совершенно неадекватное переложение и интерпретацию каждого символа. Сейчас его мысли витали в марсианских абстракциях, сформировавшихся за полмиллиона лет развития совершенно чуждой человеку культуры, и были абсолютно непереводимы на какой-либо из человеческих языков.

А за стенкой ординатор — доктор Таддеус, он же Тад, — резался в криббедж с Томом Мичемом, личным фельдшером Смита, — не забывая при этом поглядывать на приборные шкалы и чутко следя за сердцебиением пациента. Когда мерно подмигивавшая лампочка снизила темп своего мерного подмигивания с девяноста двух раз в минуту до двадцати, медики швырнули карты на стол и бросились в палату.

Пациент покоился на упругой оболочке водяной кровати и не подавал никаких признаков жизни.

Таддеус выругался и крикнул:

— Позовите доктора Нельсона!

— Есть, сэр! — Мичем на секунду задумался. — А может, дефибрилятором его? Пока совсем не зачоченел?

— Позовите доктора Нельсона!

Фельдшер выскочил в коридор. Таддеус внимательно оглядел пациента, протянул было к нему руку, но тут же опасливо отдернул. В палате появился второй врач, постарше, его натужная, неуклюжая походка выдавала человека, долго прожившего в космосе и не успевшего реадаптироваться к высокой гравитации.

— Так что там у вас?

— Приблизительно две минуты тому назад, сэр, резко упали частота дыхания, температура и пульс.

— И что вы сделали?

— Ничего, сэр. Согласно вашим указаниям...

— Вот и отлично. — Нельсон окинул Смита беглым взглядом, затем изучил показания приборов — ровно таких же, как и в дежурке. — Если будут какие-либо изменения, сразу сообщайте. — Он повернулся к двери.

— Доктор, а как же... — недоуменно начал Таддеус.

— Да, доктор? У вас есть какой-нибудь диагноз? — хмуро осведомился Нельсон.

— Э-э... мне не хотелось бы проявлять излишней самоуверенности, высказываясь по поводу вашего пациента...

— Я же спросил — у вас есть какой-нибудь диагноз?

— Хорошо, сэр. Шок. Возможно, — добавил он уже без прежней уверенности в голосе, — несколько нетипичный. Но все равно — шок, ведущий к летальному исходу.

— Мнение вполне разумное, — кивнул Нельсон. — Только вот случай перед нами не вполне разумный. Успокойся, сынок. Помнится, на обратном пути этот пациент впадал в подобное состояние добрый десяток раз. Ничего страшного. Вот, смотри. — Он приподнял руку Смита, а затем отпустил ее. Рука не упала, а так и осталась висеть в воздухе.

— Каталепсия? — заинтересовался Таддеус.

Тадд — Называйте это как угодно. Даже если считать хвост ногой, он все равно в ногу не превратится. В общем, не волнуйтесь, доктор. Ничего типичного в этом случае вы не найдете. Задача у вас одна — не позволяйте никому его беспокоить, а при любых изменениях зовите меня. — Нельсон осторожно положил руку пациента на прежнее место и вышел из палаты.

еус еще раз взглянул на пациента, недоуменно покачал головой и вернулся в дежурку. Мичем собрал со стола карты, потасовал.

— Криб?

— Нет.

— Если хотите знать, — заметил Мичем, — этот, за стенкой, и до утра не дотянет.

— Ваше мнение никого не интересует.

— Прошу прощения.

— Покурите там, с охранником, а я хочу посидеть спокойно и подумать.

Мичем пожал плечами, неторопливо встал и вышел. Таддеус выдвинул нижний ящик стола, достал оттуда бутылку и налил себе дозу, способствующую размышлению. Мичем подошел к охранникам в коридоре; те было

вытянулись в струнку, но узнали фельдшера и снова ослабились.

— Привет! Что у вас там за шум, а драки нет? — поинтересовался один из морских пехотинцев, который повыше.

— У пациента родились пятерняшки, вот мы и спорим, как их назвать. Ну, гориллы, кто даст мне в зубы, чтоб дым пошел? И огоньку.

— А с молоком у него как? — поинтересовался второй охранник, выуживая из кармана пачку сигарет.

— Да так себе, средненько. — Мичем затянулся и добавил: — Вот как на духу, ребята, не знаю я про этого пациента ровно ничего.

— А на хрена тогда приказ насчет «никаких женщин ни при каких обстоятельствах»? Он что, сексуальный маньяк?

— Я знаю одно: его привезли с «Чемпиона» с указанием обеспечить абсолютный покой.

— С «Чемпиона»? — переспросил первый охранник. — Ну, тогда все ясно.

— Чего тебе там ясно?

— А вот что. Он же их не имел — и не трогал — и даже не видел — много месяцев. А кроме того, он болен — теперь-то понятно? Они боятся, что как только он доберется до бабы, так тут же от возбуждения и загнетя. — Он поморгал и вздохнул: — На его месте я точно бы загнулся. Потому-то баб к нему и не подпускают.

Смит ощутил присутствие врачей, однако сразу грокнул, что намерения их благие и нет никакой необходимости спешно вызывать основную свою часть.

На рассвете, в тот самый час, когда санитары небрежно обтирают лица пациентов холодными влажными салфетками — якобы проводят утренние гигиенические процедуры, — Смит вернулся в себя, ускорил свое сердцебиение, увеличил глубину дыхания и начал — со всем подобающим вниманием и почтением — изучать обстановку. Он впервые осмотрел палату, воспринимая и восхваляя все, вплоть до самых мельчайших ее деталей, важных и не очень, — сделать это вчера, когда его сюда принесли, у него не хва-

тило сил. Обычное помещение для него выглядело весьма необычно — оно ничем не напоминало клинообразные металлические отсеки «Чемпиона», не говоря уж о том, что на Марсе вообще нет ничего подобного. За ночь Смит наново пережил всю последовательность событий, связавшую родное гнездо с этим местом, теперь он был готов воспринять окружающее, восхвалить его и даже — до некоторой степени — возлюбить.

Неожиданно оказалось, что он в палате не один: крутятся на тонкой, непрерывно удлиняющейся ниточке с потолка опускалось некое — вполне достойное восхищения — восьминогое существо. Человеческий детеныш?

Дальнейшие наблюдения пришлось прекратить — появились два незнакомых человека (доктор Арчер Фрейм, сменивший Таддеуса, и санитар).

— Доброе утро, — весело произнес врач. — Как вы себя чувствуете?

Смит всесторонне изучил услышанное. С первой фразой все ясно, это формула вежливости, не имеющая смысла и не нуждающаяся в ответе, хотя ее можно было и повторить. А вот вторая имела несколько возможных толкований. Если ее произносил доктор Нельсон, она означала одно, а капитан ван Тромп изрекал ее как формальное приветствие, на которое можно и не отвечать.

Смита охватило тоскливое отчаяние, обычное при попытке общения с этими существами, — пугающее ощущение, неведомое ему до встречи с людьми. Однако он не дал своему телу утратить спокойствие, подумал еще секунду и решил рискнуть.

— Чувствую себя хорошо.

— Хорошо, — эхом отозвалось непостижимое существо. — Сейчас придет доктор Нельсон. Если не возражаете, санитар подготовит вас к завтраку.

Фразы не содержали ни одного незнакомого Смицу понятия, однако услышанное с трудом укладывалось в голове. Он знал, что является пищей и почти неизбежно будет употреблен в таком качестве — раньше или позже. Но если ему выпала такая высокая честь — почему никто не предупредил об этом заранее? Он даже и не подозревал, что запасы

пищи настолько истощились, что возникла необходимость уменьшить количество воплощенных членов группы. Смита охватило легкое сожаление — ведь все эти новые события так и остались негрокнутыми, — но «возражать»? Станный, очень странный вопрос. Тем временем санитар протирал его лицо и руки холодным, мокрым куском ткани (часть ритуала «приготовления»?).

Лихорадочную работу по формулировке ответа прервал вошедший в палату Нельсон. Врач бегло ознакомился с показаниями приборов, а затем повернулся к своему пациенту:

— Стул был?

Опять неоднозначное слово, но все равно вопрос абсолютно ясен — Нельсон задает его чуть не при каждом разговоре.

— Нет.

— Ну, с этим разберемся, но только сперва вам нужно поесть. Санитар, принесите завтрак.

Сперва Смит просто лежал и пережевывал вкладываемую ему в рот пищу, но вскоре Нельсон потребовал, чтобы пациент сел, взял ложку и ел дальше сам. Первая в этом искаженном пространстве самостоятельная работа оказалась изнурительно трудной, но все же посильной, что преисполнило Смита радостным торжеством.

— Кого я съел? — спросил он, поднимая миску, чтобы иметь возможность вознести хвалу своему благодателю.

— Не кого, а что, — поправил его Нельсон. — Синтетическое пищевое желе, основанное на аминокислотах, что бы это ни значило. Справился уже? Ну и ладошки, а теперь — слезай с кровати.

— Прошу прощения? — Очень удобная формула, которая, как он уже усвоил, сигнализирует о коммуникативном сбое.

— Я говорю — слезай. Сядь. Встань на ноги. Пройдись немного. Конечно же, тебя сейчас любой сквознячок сдует, но только, валяясь в этой кроватке, мускулатуру не накачаешь.

Нельсон открыл вентиль в изголовье кровати, и водяной матрас начал быстро опадать. Нельсон возлюбил меня

и взлелеивает, напомнил себе Смит, убирая в небытие вспыхнувшую было боязливую неуверенность. Вскоре он лежал уже не в мягком гнезде, а на твердой поверхности, покрытой сморщенной клеенкой.

— Доктор Фрейм, — сказал Нельсон, — возьмите его под локоть. Поможем ему удержаться на ногах.

Постоянно ободряемый Нельсоном, с помощью двух врачей Смит встал и привалился к бортику кровати.

— Спокойно. А теперь постой самостоятельно, — командовал Нельсон. — И не бойся, если что — мы тебя подхватим.

Смит сделал усилие и встал — худощавый юноша с тонкими, недоразвитыми мускулами и гипертрофированной грудной клеткой. На «Чемпионе» его подстригли и надолго удалили растительность со щек. С безмятежного, бесстрастного, почти младенческого лица глядели умудренные глаза девятилетнего старца.

Некоторое время он стоял неподвижно, стараясь унять дрожь, затем проволочил ногу по полу, сделал шаг, другой, третий — и расплылся в детской, лучезарной улыбке.

— Молодец! — захолопал в ладоши Нельсон.

Смит попытался шагнуть еще раз, содрогнулся всем телом и рухнул на руки едва успевших среагировать врачей.

— Вот же черт! Опять спрятался в этот свой анабиоз. — Судя по голосу, Нельсон воспринимал случившееся как личное оскорбление. — А теперь помогите мне уложить его на кровать. Да нет, сперва нужно ее наполнить.

Когда клеенчатая оболочка на шесть дюймов приподнялась над остовом кровати, Фрейм перекрыл вентиль; на пару с Нельсоном они приподняли Смита, который скрючился в позе эмбриона, и уложили на мягкую податливую клеенку.

— Организуйте ему валик под шею, — приказал Нельсон, — а если что не так или очнется — зовите меня. Нет, лучше дайте мне поспать. Я сам едва стою. Ну, если, конечно, ничего особенного не случится. После обеда мы снова его прогуляем, а с завтрашнего дня начнем регулярные физические упражнения. Через три месяца он будет пры-

гать с дерева на дерево, что твой Тарзан. Он же, по сути, абсолютно здоров.

— Да, конечно, — без особой уверенности согласился Фрейм.

— И еще, чуть не забыл. Когда очухается, научи его пользоваться клозетом. Только обязательно возьми себе в помощь санитара, а то вдруг этому мальчонке вздумается снова упасть в обморок.

— Да, сэр. А вы предлагаете какой-либо конкретный способ... ну, то есть каким образом я ему...

— Каким? Личным примером! Он ведь только слова плохо понимает, а так — посообразительнее нас с тобой. К концу недели самостоятельно будет принимать ванну.

С обедом Смит управился безо всякой посторонней помощи. Появившийся через несколько минут санитар взял поднос с грязной посудой и воровато оглянулся.

— Слышь, — прошептал он чуть не на ухо Смигу, — у меня есть роскошное предложение.

— Прошу прощения?

— Бизнес, заработаешь деньги быстро и без труда.

— Деньги? Что такое «деньги»?

— Знаешь, кончай философию, денежки всем нужны. Я говорю быстро, потому долго задерживаться у тебя не могу — не поверишь, с каким трудом я на это место пристроился. Я представляю «Несравненные новости». Шестидесят кусков за эксклюзивный рассказ о твоей жизни. Ты сам и пальцем не пошевелишь — на нас работают лучшие в стране литературные негры. Ответишь на вопросы, а они все склеют. — В руках санитара появился лист бумаги. — Прочитай, подпишись вот здесь, в углу, всех и делов. Задаток при мне.

Смит взял бланк и начал его изучать. Вверх ногами.

— О господи! — ошеломленно воскликнул санитар. — Да ты что, читать не умеешь?

Этот вопрос был понятен.

— Нет, — честно признался Смит.

— Ну... Тогда вот как сделаем. Я прочитаю тебе текст, затем ты поставишь отпечаток пальца, и я это засвидетельствую. Слушай внимательно. «Я, нижеподписавшийся, Ва-

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вирджиния Хайнлайн. Предисловие</i>	7
Часть I. Его порочное происхождение	11
Часть II. Его несуразное наследство	116
Часть III. Его эксцентричное воспитание	359
Часть IV. Его скандальная карьера	504
Часть V. Его счастливая участь	585
Примечания. <i>М. Пчелинцев, А. Питчер</i>	680

Хайнлайн Р.

X 15 Чужак в стране чужой : роман / Роберт Хайнлайн ; пер. с англ. М. Пчелинцева, А. Питчер. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 704 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-15763-7

Полная авторская версия легендарного романа. Культовой книги, ставшей настольной у поколения «детей цветов» и всей нарождающейся контркультуры. «Библия сексуальной революции» настолько опередила свое время, что, во избежание шквала протестов от фанатиков и ханжей, автор был вынужден сократить рукопись под рабочим названием «Еретик» почти на четверть, убрав наиболее «откровенные» и «идейно сомнительные» эпизоды, — и только тогда «Чужак в стране чужой» увидел свет. Это одно из немногих жанровых произведений, включенных Библиотекой Конгресса в список «книг, сформировавших Америку». И если «Властелин Колец» раскрепостил фантазию миллионов, то «Чужак в стране чужой» научил их «грокать во всей полноте». Итак, познакомьтесь с Валентайном Майклом Смитом — «марсианским Маугли». Воспитанный негуманоидными «стариками», он возвращается на Землю, где, принаравливаясь к чуждым ему нравам и тяготению и обретая новых «братьев по воде», ускоренно проходит все этапы взросления: от порочного происхождения — к несурзному наследству, от эксцентричного воспитания — к скандальной карьере и счастливой участи.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН
ЧУЖАК В СТРАНЕ ЧУЖОЙ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Александра Питчер
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректор Наталья Бобкова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.12.2018. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 36,96. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

Y-AFA-24156-01-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/